

НЕТ ЗАПРЕТНЫХ ТЕМ НОВЫЕ ТАЙНЫ

КАПКАН НА СПЯЩЕГО ДРАКОНА

ОЛЬГА
ВОЛОДАРСКАЯ

Нет запретных тем! Остросюжетная проза О. Володарской

Ольга Володарская

Капкан на спящего дракона

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Володарская О. Г.

Капкан на спящего дракона / О. Г. Володарская — «Эксмо»,
2026 — (Нет запретных тем! Остросюжетная проза О.
Володарской)

ISBN 978-5-04-250734-2

Два друга, Эдуард и Валентин, раньше были не разлей вода, но все изменилось, когда первый скоропалительно женился, а второй уехал из родной Сибири в Москву. Их судьба сложилась по-разному. У Эдика на первом месте была семья, а у Валентина — успех. Он с нуля построил финансовую империю, а любовь своей жизни встретил только с третьей попытки. Звали женщину мечты Сюзанной, и она вбила клин между товарищами. Несколько лет они не виделись, но, когда у Валентина начались проблемы, именно у Эдика он попросил о помощи. Тот не отказал, вылетел в Москву первым же рейсом, прихватив за компанию дочек. Не думал, что столкнется с убийствами и похищениями... А также с правдой о друге, к которой оказался не готов! Романы Ольги Володарской — остросоциальные детективы, в которых автор препарирует все стороны жизни современного общества, ничего не скрывая и ни о чем не умалчивая. Ее книги написаны так увлекательно, что оторваться просто невозможно. Яркий сочный язык и блестящий авторский стиль создают неповторимую атмосферу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250734-2

© Володарская О. Г., 2026

© Эксмо, 2026

Содержание

Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ольга Володарская

Капкан на спящего дракона

© Володарская О., 2026

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

Часть первая

Глава 1

Он всегда просыпался в шесть утра, даже в выходные. Внутренний будильник срабатывал в одно и то же время на протяжении долгих лет. Встав с кровати, Эдик накинул халат и проследовал к двери, чтобы тихонько ее открыть, а затем закрыть за собой. Он не хотел беспокоить спящую жену, и не только ради ее блага, но и собственного.

– Почему ты по утрам такой сердитый? – всегда возмущалась она, встав одновременно с мужем. – Я тебе блинчиков приготовила на завтрак, а ты на меня волком смотришь!

Эдик закатывал глаза и ничего не говорил, чтобы не усугубить ситуацию. Он понимал, что супруга Екатерина проявляет заботу, выбираясь из кровати в ранний час и вставая к плите, но он в ней не нуждался. Хотелось одиночества, тишины и... сосисок с ядреной горчицей. Именно ими он любил завтракать, а не блинами, а уж тем более кашей.

– Тебе нельзя острое, еще и натошак, – неустанно повторяла Катя, если заставляла мужа за трапезой. И убирала тарелку, потому что заботилась о его здоровье. Кто еще, если не она?

Женаты Катя и Эдик Старковы были почти тридцать лет. Вереди – жемчужная свадьба. И, как оба надеялись, первый внук: старший сын наконец женился. Есть еще две дочки, проживающие с родителями. Обе умницы, красавицы. Семья – полная чаша. И чаша эта до краев полна любви. Эдик жену обожал так же сильно, как и в молодости, но... Он мечтал о том, чтоб она хотя бы по утрам оставляла его в покое. Дочек и помощницу по хозяйству он этому научил. Никто из них не совался к Старкову в течение часа после пробуждения. Если сталкивались в кухне или коридоре, желали доброго утра (в ответ он сумрачно кивал) и тут же ретировались. Знали, что скоро хмурый леший изыдет из Эдика, и он примется целовать девочек, благодарить помощницу за хорошо отглаженные рубашки. Жене же оставит милую записочку в вазочке с конфетами, которые в их доме ест только она, или под баночкой ее дневного крема.

... Часы показывали четверть седьмого, когда благодатную тишину нарушил грохот. Эдик только успел усесться за стол и обмакнуть первую сосиску в горчицу. Чертыхнувшись сквозь зубы, он обернулся.

Вытянув тонкую морщинистую шею, на Старкова смотрел черепашонок по имени Мартин. Рядом с ним валялась напольная статуэтка, которую он задел, пробираясь в кухню.

– Нашелся? – обратился к нему Эдик. – И где же ты, паршивец, прятался?

Мартин сбежал из своего террариума три дня назад, его искали всей семьей, но безрезультатно.

– Проголодается, сам вылезет, – успокоила дочек Катерина. Они подарили Мартина отцу на день рождения и очень переживали за его благополучие.

Мартин относился к породе угольных черепах. Довольно крупные, особенно самцы, с высокими черными панцирями, они доживали до пятидесяти лет, что, по мнению дочек, было очень важно. Они помнили, как горевал отец, когда хоронил своего любимца – лабрадора Ларри. Тогда он всем заявил, что больше не заведет собак, хотя с детства их обожает. И вот теперь у него в питомцах долгожитель Мартин. Пока он еще мал, и его панцирь желтый, а не угольно-черный, а характер неутомонный. Ту же статуэтку он как будто не по неуклюжести уронил, а чтобы похулиганить.

Эдик отнес черепашонка в террариум, насыпал ему свежего корма, после чего вернулся в кухню. Сосиски остыли, но он все равно съел их с удовольствием. Как и тосты с джемом. А вот витамины выпил кривясь. Он не верил в их силу, но Катя настаивала на приеме сразу нескольких комплексов, и он подчинялся. Хуже не будет, твердил себе он, закидывая в рот

разноцветные горошинки разной формы. Теперь именно ими он заканчивал завтрак, а не кофе с сигареткой. Курить Эдик бросил по собственной инициативе и держался уже три года, но по утреннему ритуалу скучал.

– Пап, ты что, оглох? – услышал он недовольный голос старшей дочки Софьи. – Твой телефон орет на всю квартиру!

– Я свой отключаю на ночь, – возразил Эдик.

– А второй? – Она подошла к отцу, чтобы протянуть ему старую кнопочную мобилу.

Соня больше остальных членов семьи походила на него утреннего. Такая же молчаливая и сумрачная после пробуждения, она даже завтракала в своей комнате, чтобы избежать общения. Но если Эдик вставал, как штык, в одно и то же время, то дочка могла валяться до полудня, если ей некуда было спешить. Сейчас ее сон потревожен, и она мрачнее тучи.

Соне исполнилось двадцать, она училась в университете на социолога. Кроме этого, занималась вокалом и танцами. Втайне от родителей мечтала стать звездой телевидения или рублевской женой, а в идеале совместить две эти ипостаси.

– Фантазерка ты, Софка! – хохотала над ней младшенькая Аня, которой было одиннадцать. – Как ты на Рублевку попадешь, если мы в Новосибирске живем?

– Не твое дело, – вспыхивала та, жалея о том, что проболталась когда-то сестре о своих мечтах.

– И на телик тебя не возьмут, ты начинаешь кривляться, едва на тебя камеру наводят.

– Когда доучусь и получу диплом бакалавра, поеду в Москву и поступлю там в школу «Останкино».

– Отец тебя непустит.

– Я уговорю маму, а она – его.

– Вряд ли у нее получится, – сомневалась Аня. – Мы с ней вдвоем три года упрашивали папу отдать меня в секцию тайского бокса или кунг-фу, но он так нас и не послушал. «Этот спорт не для девочек», – передразнила Эдика дочь, понизив голос до баса и насупив брови. Поскольку она была очень похожа на него, получилось один в один. – Пришлось соглашаться на фехтование.

Они были такими разными, его дочери. Нежная, романтическая, артистичная Соня, тонкая, высокая, похожая на маму-красавицу и фигурой, и лицом. Непоседа, хулиганка Аня, низенькая, коренастая, с густыми бровями Эдика, она и вела себя, и одевалась как пацан. Если бы не коса до пояса, ее бы принимали за мальчика, но не в последний год. Ближе к одиннадцати Аня начала расцветать. У нее припухла грудь, бедра округлились. Девочка этого не замечала, а ее мать – да.

– Скоро ей понадобится лифчик, – говорила она мужу. – Если Анютка во всем пошла в вашу старковскую породу, то ее формы будут пышными. – О да, и мама, и сестра Эдика были пышногрудыми женщинами. Титястыми, как говорили они сами.

Чтобы не разбудить еще и младшую дочь, чья комната находилась ближе других к кухне, Старков поспешил ответить на звонок.

– Слушаю, – бросил в трубку он.

– Привет, Старик, – так уже более тридцати лет Эдика называл его лучший друг Валентин Баранов.

– Здравóво, Бяша.

– Только тебе я позволяю так к себе обращаться, – проворчал Баранов. – Для остальных я Багор.

– Знаю.

Именно благодаря Эдику он избавился от ненавистного прозвища Бяша. Тот «приклеил» к нему уважительное Багор, когда они оба служили в армии, еще советской. Тогда в ее рядах процветала дедовщина, «черпаки» унижали «карасей» (в их части так называли старослужа-

щих и первогодков), и худенькому Бяше из семьи педагогов доставалось. Самбист Старков за него заступался, за что получал вдвое больше остальных. На втором году все изменилось. Эдик стал непререкаемым авторитетом и для своих, и для карасей. Он карал строго, но справедливо. Никаких издевательств, только наказание за непослушание старшему по званию, а именно сержанту Баранову. Именно Валентин первым получил звание, и тогда Эдик начал в шутку называть его Багром (большим человеком). Остальные подхватили.

Оба они, и Эдик, и Валя, были родом из Сибири. Выросли в небольших городах, но, демобилизовавшись, решили в них не возвращаться, только родных приезжали проводить. Вместе отправились в Новосибирск, где больше возможностей, и начали взрослую жизнь...

Каждый по-своему. Валек восстановился в институте, а Эдик устроился на работу. Первый зубрил, второй кирпичи на стройке таскал. Это дружбе не мешало, а совсем наоборот: парни хорошо друг на друга влияли. Благодаря Багру Старик тоже решил образование получить, пусть и среднетехническое. Багор же при помощи Старика нашел подработку, которая не только приносила копейчку, но и позволяла студенту экономического факультета применять знания на практике. Три года парни не разлей вода были, пока Эдик Катерину не встретил. Влюбился в нее так, что уже через три недели предложение сделал. Она ответила «да». Поженились. Валек свидетелем на свадьбе был и первым человеком, узнавшим о скором пополнении в семье Старковых. Крестным он же стал. А вскоре в Москву уехал. Сразу, как диплом получил, рванул. Когда-то друзья вместе собирались, но раз у Старкова началась новая жизнь, что ж... Придется покорять столицу одному!

И Вальку удалось. Не сразу, но Москва приняла его. Баранов отучился в аспирантуре в МИСИ, поработал на крупную корпорацию, пока не открыл свой бизнес, женился, родил сына, построил дом и посадил целую аллею деревьев на своем участке. И все это до сорока лет. Сейчас, в пятьдесят три, Валентин Баранов входит в топ-100 богатейших людей Москвы.

У Эдика тоже жизнь сложилась. Несколько иначе, чем у друга, но это его только радовало. Главное для Старкова – семья. И она у него крепкая и дружная. Валя же с первой супругой развелся, вторую свою женщину, к которой, собственно, ушел от жены, даже до загса не довел, а все потому, что встретил Сюзанну. Эта женщина стала второй законной супругой Валентина и клином, вбитым судьбой в дружбу Багра и Старика. До нее Валя с Эдиком часто встречались, летали друг к другу в гости, семьями отмечали юбилеи и праздники, планировали совместные отпуска. Но стоило Вале жениться на Сюзанне, как все изменилось. Причем тут же.

– Нас не пригласили на свадьбу? – возмущалась Катерина. – Это просто оскорбительно!

– Валя сказал, что они не стали ее устраивать. Просто расписались и поехали в свадебное путешествие.

– И ты ему веришь?

– Почему нет?

– Любая девушка, заарканившая миллионера, мечтает о пышной свадьбе. Я поищу в Сети фотографии с нее, и ты поймешь, что я права. Впрочем, как всегда!

– В этот раз не совсем, – возразил ей Эдик, когда увидел снимки. – Гостей на свадьбе мало.

– Но они есть.

– Наверное, со стороны невесты. А мы с ней познакомимся на моем дне рождения. Буду отмечать пышно, потому что сорок пять, это не только для бабы-ягодки дата знаменательная, но и для мужика. Сорок мы не справляем, а хочется. Пир закачу. Барановы приглашены.

Они не приехали на день рождения, но по уважительной причине: Сюзанна забеременела, но из-за угрозы выкидыша ей запретили летать. Валя остался с ней, и на этот раз Катя не возмущалась. Но когда Барановы не позвали их на крестины дочки, вскипела:

– Вот и конец дружбе! – И перестала передавать Вале через мужа приветы.

А он часто звонил. И присылал всем подарки. Откупался, как говорила Катя, и больше не звала Баранова ни на какие тожества. Даже на свадьбу сына, его крестника. За нее это сделал Эдик, но Валя опять не приехал. Виделись они за эти годы всего раз, и было в начале зимы, а сейчас – лето. Встретились в Сочи, куда, не сговариваясь, попали в одно и то же время. Обрадовались друг другу страшно! Наговориться не могли, но Эдику нужно было возвращаться домой, а Вале лететь в соседнюю страну. Тогда Баранов и вручил другу старый добрый кнопочный сотик.

– Отличная вещь, – сказал он. – Ни прослушать, ни отследить. У нас в Москве все серьезные люди с такими ходят.

– Ты в том числе?

– Естественно. Как-никак один из ста богатейших людей города. – Он говорил это без хвастовства, со смехом. Иногда добавляя, что место его предпоследнее, хотя так низко он никогда не опускался.

– А мне этот раритет без надобности.

– Все же возьми, – настаивал Витя. – Если вдруг твоя помощь понадобится, я на него позвоню. Внутри и сим-карта есть.

И вот свершилось! Багор позвонил.

– Старик, ты мне нужен, – сказал он.

– Проблемы?

– Имеются. Но они решаемы. И все же твоя помощь мне очень пригодится.

– Не вопрос. Что нужно?

– Приезжай ко мне. Срочно.

– Ладно, – чуть растерялся тот. За восемь лет ни разу не позвали, а тут – срочно. – Как разберусь с делами...

– Старик, я жду тебя уже завтра, так что поторопись.

– Не умираешь, надеюсь?

– Ничего не выдумывай. Повторяю, проблемы решаемы.

– Странно, что даже по неприслушиваемому телефону ты говоришь загадками.

– Просто я не дома. И тут реальные уши повсюду.

– Ладно, куплю билет...

– Я сам тебе его отправлю. И если хочешь, возьми с собой семью. Я буду всем рад. Особенно Кате. Мне кажется, пришла пора возобновить нашу тесную дружбу. Признаю, я виноват в том, что мы отдалились. Хочу все исправить.

– Катя не поедет.

– Смертельно на меня обижена?

– Нет, дело в другом. – А про себя добавил: «Но ты прав, она обижена, хоть и не смертельно!» – Завтра моя жена летит в Европу на две недели.

– Отдыхать?

– Работать. Ты помнишь о том, что она дизайнер-реставратор?

– Конечно.

– Ее наняла русская семья, купившая в Фуншале старинный дом.

– Это Мадейра? Бывал, вино их знаменитое пивал... Не понравилось.

– Вино или остров?

– Ни то, ни другое. Я не любитель старушки Европы. Как и ее крепленых вин.

– В отличие от моей жены. У нее было много клиентов из Италии, Франции, Англии. Сейчас перемещаться по Европе сложнее, поэтому она реже берет заказы. Завтрашней поездки ждет с нетерпением.

– Девочек с собой возьми. Помню Соню, а Анютку почти нет. В колыбельке только и видел. – Как будто кто-то мешал! – У нас шикарное имение, есть где разгуляться. Да и сама

Рублевка еще больше похорошела. Про Москву я вообще молчу. Давно девочки бывали в столице?

– Аня ни разу.

– Безобразие.

– Согласен. Но прежде чем принять приглашение, я должен обсудить все с семьей. Сам я точно прилечу.

– Как определишься, дай знать. Велю секретарю заняться билетами.

На этом они закончили разговор, а тот, что за ним последовал, Старкову не понравился.

– И ты помчишься? – хмуро спросила Катя, выслушав мужа. – После всего, что было?

– А что было? Напомни.

– Холодная война между вами.

– Что за чушь, – фыркнул Старков. – Мы остались друзьями, несмотря ни на что. Уверен, попроси я о помощи, Валя сделал бы так же.

– Не помчался бы он. Только денег прислал. Как всегда, откупился бы.

– Екатерина, я не прошу твоего разрешения, – начал чеканить слова Эдуард. Полным именем он жену называл в крайних случаях, и это был как раз такой. – Я сообщаю тебе о своем скором отъезде.

– И с кем останутся девочки? Соня еще слишком юна, чтобы поручать ей заботу о сестре. Да и сама дел может натворить без присмотра...

– Согласен. Поэтому дочки едут со мной в Москву.

– Я против. Пусть лучше у брата поживут. Или он здесь.

Она была такой упрямой, его Катерина!

Но Эдик влюбился в нее стремительно и не сразу понял, что пропал. Думал, просто повелся на внешность. Возжелал! Но как было устоять против высокой красоты спортивного типажа? Поджарое тело, симпатичное лицо с миндалевидными глазами в обрамлении пушистых ресниц, коротким ровным носом, улыбчивым ртом? Катя не выглядела распутно, хоть и завлекала Эдика всем своим видом. Он принял ее за институтскую старосту или капитана волейбольной команды. Ошибся! Катя занималась художественной гимнастикой, но только в детстве, а университет бросила, из-за чего рассорилась с родителями и ушла из дома. На жизнь в тот период она зарабатывала тем, что сдавала цветмет, который находила где придется.

За этим ее Эдик и застукал. Увидел красотку с ногами от ушей, которая бродила по стройплощадке. Весна была, одуванчики цвели, мать-и-мачеха. Ландыши кое-где сохранились. Подумал Старков, что девушка их ищет, поэтому нарвал букетик и протянул ей.

– Меня этим не возьмешь! – закатила глаза Катя, но ландыши не выбросила.

– А чем возьмешь?

– Дверь мне в общежитии выбили. Сосед-алкаш. Починить бы.

– Легко.

Тем же вечером он все сделал. Не только на петли дверь посадил, но и с соседом воспитательную беседу провел. Больше он к Кате не ломился. Однако тот инцидент на нее повлиял. Девушка решила бунт прекратить, с родителями помириться и вернуться под их крышу, а еще восстановиться в университете.

Диплом Катя писала беременной, защищала – кормящей.

Первые годы Старковы жили бедно. Чтобы сводить концы с концами, поселились у родителей жены. Им выделили комнату и полку в холодильнике. На этом помощь заканчивалась. У Кати имелся младший брат-инвалид, тесть с тещей тратили на него деньги и все свое время. Эдик понимал, поэтому ничего не требовал. Приютили, и на том спасибо. А Катя обижалась. Она чувствовала себя обделенной.

– Я много не прошу, – всхлипывала она, обнимая вымотанного на стройке мужа. – Но хоть иногда мама могла бы погулять с Мишуткой. – Так они называли сына. – А отец его кровать починить. – Купили подержанную, потому что на новую не хватило денег.

– Сам почию.

– Когда тебе? Ты с утра до ночи вкалываешь.

– Родители отговаривали нас от скоропалительного брака. И с ребенком просили поменять. Мы не послушались и теперь несем ответственность за свой выбор. – Спать хотелось так, что глаза болели оттого, что Эдик с силой их распахивал. Но он терпел, понимая, что Кате нужно выговориться. – Я предлагаю выход: вы с Мишуткой на пару месяцев уедете к моим в село. Там и помощь получишь, и правильное питание: овощи с грядки, свежие яички, молоко из-под коровки.

– Нет, я не согласна на разлуку!

– Обещаю навещать каждую неделю.

– Не сможешь ты сдержать это обещание. Сто восемьдесят километров до села, а у тебя всего один выходной.

Она упрячилась еще две недели, пока в очередной раз не разругалась с матерью из-за того, что та не подняла тревогу, когда у Мишутки, с которым она в кои-то веки согласилась посидеть, поднялась температура. Случись такое с ее сыном, к нему бы уже мчала скорая помощь.

В разлуке страдали оба. Но больше Эдик, что странно. Он мог спать дольше и спокойнее, не отвлекаться на домашние заботы, не раздражаться из-за ссор родителей с дочкой. И он не ревновал Катю, а она его очень сильно. Старкова это смешило.

– Ты думаешь, я по бабам без твоего присмотра пойду? – спрашивал Эдик у грозно смотрящей на него жены. Когда он навестил семью в первый раз, она не только допрос с пристрастием устроила, но и осмотрела каждый участок тела на предмет засосов. – Или, скорее, они на меня кинутся? Будут на части рвать, как голодные волчицы зайчонка?

– Хватит скалиться, – еще больше сердилась Катя. – Думаешь, я не знаю, какие бабы есть наглые? Вот соседка у нас, Ленка-камбала, у собственной сестры мужа увела, и теперь он из одной комнаты в доме в другую переехал. А в зале у них поле для битв. Устраиваются вместе сериал смотреть, но до конца серии не досиживают, начинают за косы друг друга таскать...

– Почему камбала? – зачем-то переспрашивал Эдик.

– Косая она. Поэтому сестра считает ее ведьмой и думает, та мужа ее приворожила.

Катя отвлекалась на сельские сплетни, забыв на время о ревности.

– Может, вам сюда переехать, сынок? – спрашивала у Эдика мама. И она, и его сестра полюбили Катю с Мишенькой и были не против совместного проживания. – У нас большущий дом, хозяйство, воздух чистый...

– И нет работы, – заканчивал Эдик.

– Для рукастого непьющего мужика в селе всегда работа найдется.

– А для архитектора-реставратора?

– Церковь восстанавливают у нас, – подсказывала сестра. – Катя там может пригодиться.

– Нет, милые, не останемся мы. В городе возможностей и для нас, и для детей больше. Но за предложение спасибо. Еще большее – за поддержку. Катя в ней нуждалась в первую очередь. – Хотел было про послеродовую депрессию упомянуть, да смолчал. Не поняли бы простые деревенские бабоньки, о чем это он.

Из села Эдик забрал семью в конце сентября. Привез ее (и мешки да банки с харчами) в отдельную квартиру. Съёмную, но уютную, в хорошем районе. Через несколько лет они ее выкупили. Тогда у Эдика уже был свой бизнес по производству и установке металлоконструкций. Сначала мелочовкой занимались на предприятии, панелями и ограждениями, потом перешли на вещи посерьезнее: каркасы, балки, лестницы. А благодаря Кате и за нестандарт-

ные проекты взялись, к примеру, архитектурные объекты. Несколько созданных по ее проекту инсталляций купили арабские отельеры, и стоят они сейчас на лужайках пятизвездочных гостиниц в Шардже и Фуджейре.

Путь Старковых к успеху был долг и труден, но шли они к нему рука об руку. Спорили, ссорились, друг с другом по несколько дней не разговаривали, спали в разных комнатах, но никогда не разъезжались.

– Если я хоть раз услышу от тебя фразу: «Давай сделаем паузу и поживем отдельно!» – я с тобой тут же разведусь, – заявила Катерина после первой серьезной ссоры.

Эдик тогда хотел уйти с ночевкой к другу, но вовремя себя остановил.

Кризис в отношениях наступил после рождения Ани. Наверное, подошел срок?

– У меня возникает такое ощущение, что нас объединяет только борьба, – заметила Катя, уложив дочку спать. Этот ребенок совсем не доставлял проблем, тем более с ним помогала няня. – Мы выживали, карабкались вверх, удерживались на крутых склонах, цепляясь друг за друга, а как достигли вершины, расслабились и стали каждый сам по себе.

– Нам есть чего добиваться, – не согласился с ней Эдик. – Можем расширить бизнес, построить большой дом, купить яхту и отправиться на ней в путешествие...

– Нам все это не нужно. Мы достигли той вершины, на которую карабкались. Не на Эверст, как твой друг Баранов, а на Салаирский кряж, – так называлась низкогорная возвышенность в Новосибирской области.

– Нам за сорок, Катюша. Все изменилось, и мир вокруг нас, и мы сами. Нужно это принять.

– Не хочу жить только ради детей. Я их безумно люблю, но... – Она мучилась, это было очевидно, но хотела разобраться в себе с его помощью. – Нам всего лишь сорок.

– Я скажу сейчас то, что тебе не понравится, – предупредил Эдик. – Это только твои переживания и сомнения. У меня их нет. Я как никогда доволен жизнью. Омрачает ее только твоя депрессия.

– Так я тебе все порчу? – взвилась Катя.

– Я переживаю из-за того, что переживаешь ты. И не знаю, чем помочь. Хочешь, к семейному психологу пойдем? – Это предложение еще больше ее разозлило. – Или займись тем, что принесет радость одной лишь тебе. Это не отдалит нас, наоборот...

– У меня трое детей!

– У нас. Но я тренируюсь, езжу на любительские соревнования по самбо, раз в неделю провожу занятия с подростками. А ты даже работаешь не в кайф...

– Я помогаю тебе вести наш бизнес.

– Уже не надо. Он отлажен. Вспомни, как горели твои глаза, когда ты придумывала инсталляции. Найди себя в творчестве. Или запишись на курсы современного дизайна, а потом начни искать работу по душе.

– С грудным ребенком?

– Когда тебе это мешало? С Соней в коляске ты гоняла на объект, чтобы проверить, успевают ли рабочие по срокам. А сейчас у нас няня. И я могу больше помогать, потому что часть обязанностей переложил на зама.

Тот разговор ничем хорошим не закончился. Однако он все же помог. Упрямая Катя долго с мужем не соглашалась, но в итоге последовала совету и записалась в школу дизайна, выбрав привычное направление – реставрационное. Благодаря арабским отельерам она через год нашла первого клиента. Сейчас у Кати своя фирма, она чувствует себя реализованной и очень уверенной и в себе, и в муже, и в крепости их брака, и в будущем...

Хотя нет-нет да устраивает Эдику допросы с пристрастием, но, скорее, шутя!

Они были гармоничной парой. Можно сказать, красивой. Эдик с возрастом стал интереснее, а Катя осталась прежней. Такая же стройная, улыбчивая, моложавая, она еще умела

отлично одеваться, подчеркивая на первый взгляд простыми вещами достоинства своей фигуры.

– Разве в ней есть недостатки? – искренне удивлялся Эдик. – По мне, ты совершенна.

– По мне, ты льстец, – смеялась в ответ жена. – Но продолжай в том же духе.

– Нет, я серьезно. У тебя фигура модели.

– У мамы нет талии, – выдавала секрет родительницы младшая дочка. – Но она все равно самая красивая мама на свете!

– Совершенно с тобой согласен.

– Но и ты у нас ничего. Слышала, как мамы одноклассниц тебя обсуждали. – Беседа состоялась, когда Аня только пошла в школу. – Говорили, – она закатывала глаза, вспоминая точную фразу, – что у тебя мощная харизма... И плечи.

– А еще удивлялись тому, что ты столько лет женат на одной и той же мне, – добавляла Катя, когда дочка их не слышала. – Сейчас однолюбы – редкость.

Он был согласен с этим. В сорок семь, когда явился на встречу выпускников своего техникума, оказалось, что почти все или во втором браке, или разведены. Кроме Баранова, еще двое из их большой компании оставались со «старыми» женами, но оба, подпив, хвалились тем, что имеют любовниц.

– А ты будто нет? – подмигивал ему приятель, женившийся чуть позже Эдика. – Мужик при бабках, видный. Можешь себе позволить молоденькую. Или двух!

Старкову тогда противно стало, и он ушел раньше времени.

– Нет, я не святой, – говорил себе он, шагая пешком до дома, чтобы избавиться от хмеля и неприятного послевкусия. – Бывает, увлекаюсь другими женщинами. Но черту не перехожу...

Ему нравились молоденькие, чего уж греха таить. Но всерьез запал он на свою ровесницу. Шикарная, умная, с большим достоинством, она сразу после первого поцелуя предупредила:

– Я не создана для интрижек.

– Я тоже.

– Но ты женат. – Он никогда не снимал кольца. – А я уже восемь лет в разводе. Давно хочу отношений, а ты не разведешься. – В ней теплилась надежда на то, что в семье Старкова все плохо и он готов уйти из нее.

– Никогда, – честно ответил он.

– Значит, нам нужно прекращать наши встречи.

На них они только ели, пили и беседовали. Эдик приглашал ее в какой-нибудь хороший ресторан, а после отвозил домой. Катя тогда была в очередной командировке.

– Желаю тебе всего наилучшего. Надеюсь, ты встретишь того самого.

И она встретила, но только через два года. А Эдик больше не позволял себе вольностей, но издали молоденькими красотками любовался до тех пор, пока его дочка не превратилась в очаровательную юную леди. Когда на нее пялились его ровесники, Старков готов был глаза им повырывать. А что будет дальше, когда еще и младшенькая подрастет?

С сыном ему было проще. И не только потому, что мальчишка. Миша познал все трудности выживания. Он ел что дают, любую найденную на улице ерунду мог превратить в игрушку, сам ходил в школу, занимался уроками, мог сэкономить на обеде, чтобы купить себе диск с фильмом, добраться на автобусе до другого конца города. У него не было своей комнаты до семи лет, и Миша обустроил себе на балконе «шалаш». Там еще хранился и чинился его велосипед, зимовали колеса древней Эдиковой иномарки, складировалось мамино старье, ожидающее реставрации.

Соня родилась в переходный период. Старковы еще не считались обеспеченными, но уже не бедствовали. Квартиру купили большую, трехкомнатную. Дочку наряжали, с малых лет возили на море. И конечно, водили на кружки. Представить, что она, как Мишка в свое время, куда-то поедет на автобусе без сопровождения взрослых, оба родителя не могли.

– Третий ребенок у нас барчук, – подмечала Катя. – Даже пеленки у него изо льна и с натуральным кружевом. Гадить в них приятнее, наверное. Потом золотой горшок купим, да, папочка?

Именно он баловал детей. Особенно Аню, потому что мог себе это позволить. Но она, надо сказать, не росла капризулей. Нежная и воздушная Соня доставляла больше беспокойства. Катя винила в этом переходный возраст. Даже сейчас, когда ей исполнилось двадцать. Говорила, у нынешних детей он затяжной...

– Папа, это правда? – прокричала Софья, вбежав в спальню, где разговаривали родители. Была у нее привычка подслушивать. – Мы едем в Москву?

– Мама против.

– Мама! – еще громче заверещала дочь. – Ты что, с ума сошла? Такая возможность побывать в столице.

– Когда вернусь из командировки, вместе съездим.

– Это нечестно! Ты будешь по Европе гулять, а мы тут сидеть в Сибири.

– Не гулять я там буду, а работать. С утра до вечера. Еще и бороться с португальскими бюрократами...

– Что за шум, а драки нет? – обратилась ко всем младшая дочка, ввалившись в спальню. Следом за ней ковылял Мартин.

– Нас пригласил к себе в гости дядя Валя. А мама не хочет вас отпускать, потому что обижена на него, – ответил ей Эдик. Он знал, что Катерина уже внутренне с ним согласилась, но из упрямства стоит на своем.

– Я помню дядю Валю, – встрепенулась Софья. – Он миллионер.

– Миллиардер, – поправил ее Старков. – Живет в огромном поместье на Рублевке.

Софья с Аней переглянулись, и старшая простонала:

– Мама, отпусти нас с папой. Я очень хочу увидеть...

– Знаменитую Рублевку? – подмигнула ей сестра.

– Сына дяди Вали Дмитрия. Мы дружили в детстве.

– Но в богатом доме тоже побывать хочется?

– Тебе будто нет? У них наверняка есть конюшня. Ты могла бы покататься на лошадках...

Она знала, на какой рычаг надавить, чтобы заручиться поддержкой сестры!

– Я тоже хочу на Рублевку, – выпалила та. – И Москву посмотреть. Ни разу там не была. Все мои одноклассники были, а я нет.

– Черт с вами, езжайте, – сдалась-таки Катерина. Дочки бросились ее целовать. – Но звонить мне каждый вечер по видеосвязи будете. И отправлять фото мест, где побывали.

Девчонки на все были согласны. Эдик оставил их одних, а сам отправился в офис своей фирмы, чтобы решить текущие дела и дать указания заму. Понимая, что в Москве его ждут всевозможные хлопоты, а то и проблемы, которые потребуются решать, он радовался скорой поездке. Наконец увидится со своим лучшим другом Багром!

И с Сюзанной познакомится лично. Интересно посмотреть на женщину, оказавшуюся способной помешать их дружбе. Сколько Старков ни убеждал жену в том, что она крепка, как и раньше, сам он понимал, все изменилось. Уважение, доверие осталось, а близости уже нет.

– Но мы это исправим, – пообещал себе Эдик, отправляя секретарю Валентина копии паспортов. Тот подобрал для Старковых нужный рейс, и уже завтра днем они будут в столице.

Глава 2

Ее мать обожала Адриано Челентано. Всю беременность она слушала его песни, поэтому дочь свою назвала Сюзанной, в честь героини одной из них. Ее совсем не смутило то, что имя совсем не сочеталось с фамилией Ключкова, как и ультиматумы мужа.

– Я разведусь с тобой, если назовешь дочь как соседскую кошку. – На их площадке жила одинокая дама с питомицей по имени Сюзанна. Дивно красивая персиянка регулярно сбегала от своей хозяйки, чтобы отдаваться дворовым котам. Возвращалась она всегда худой, грязной, но довольной, а в придачу беременной.

Папа угрозы не сдержал. Он находился под каблуком супруги с первых дней брака и по сей день. Уже старенькие, родители по-прежнему вместе. Живут в той же квартире, где росла Сюзанна, не желая никуда переезжать. Соседка-кошатница тоже на месте. Ей уже за девяносто, и теперь у нее полон дом питомцев. Любимицы же своей Сюзанны она лишилась вскоре после того, как новорожденную привезли из роддома. Киса ушла в очередной загул, но не вернулась. Хозяйка была неутешна до тех пор, пока отец Сюзанны не приволок ей пушистого черного котенка по имени Атос. Он чувствовал вину за то, что лишил женщину питомицы. Не желая иметь в соседях четвероногую тезку своей дочки, он увез персиянку к родителям на дачу. Там она жила в свое удовольствие оставшуюся жизнь, гуляя уже не с городскими, а деревенскими котами, тогда как Атоса кастрировали сразу, едва он начал с интересом поглядывать на дворовых невест.

– Мама, ты почему заперлась? – услышала Сюзанна голос дочки Николь, сопровождаемый стуком в дверь. – Открой, я тебе что-то покажу!

– Обожди минутку, я не одета! – ответила та и накинула халат.

– Как будто я тебя в бане голой не видела, – пробурчала девочка, но колотить в дверь перестала.

Сюзанна (или как называли ее близкие – Сью) обычно не стеснялась дочери, могла при ней и переодеться, и раздеться донага в той же бане или раздевалке бассейна. Но сейчас ее тело выглядит не лучшим образом, и его никому нельзя показывать, даже своей кровиночке. Или особенно ей? Живот Сюзанны был залит багровым синяком. Увидев его, Николь ужаснется и обязательно спросит, что случилось. Придется врать, а не хочется. Да и не придумала Сью убедительной истории возникновения синяка, появляющегося на теле от сильного удара с утяжелением. Такой мог появиться у человека, которого пнули в живот ногой, обутой в массивный ботинок. Возможно, не раз, а два-три, уж очень большой, устрашающе яркий. Сюзанна рассматривала его до того, как дочь постучала, чтобы прикинуть, через сколько времени он исчезнет. Считается, что синяки дольше двух недель не держатся, но этот...

– Мама! – снова послышался голос Николь. – Если ты мне сейчас не откроешь, я решу, что у тебя любовник.

И это говорит семилетка! Первоклассница с широко распахнутыми глазами и пухлыми щечками. Девочка, играющая в куколок, но уже знающая, откуда берутся дети. Уже в пять она поделилась этим знанием с отцом. Тот пришел в ужас, но гневаться на дочку не стал, а поинтересовался, откуда она получила информацию.

– Из книжки, – ответила дочка.

– Ты так хорошо умеешь читать? – удивился Валентин. Никки хоть и была довольно способной, но заниматься ленилась.

– Она с картинками. – Показала отцу ту самую книгу. Такие продавались в обычных магазинах детской литературы в нулевых. Назывались энциклопедиями по половому воспитанию. Каждый уважающий себя родитель покупал их, чтобы идти в ногу со временем, и Бара-

нов, очевидно, этого не избежал. Приобрел для своего первенца да забыл на долгие годы, пока младшенькая Николь энциклопедию не нашла и не изучила.

Сюзанна вспомнила о ней в тот момент, когда распахнула перед дочкой дверь.

– Следи за словами, Никки, – строго проговорила она, встретившись с чадом взглядом.

– И пошутить нельзя? – улыбнулась девочка. Глазами в том числе. Она умела переключаться с одной эмоции на другую, и хотелось верить, что искренне. Иногда же Сюзанне казалось, что в ее дочери живет великая актриса. – А ты почему в халате? – удивилась Николь. – Пошла переодеваться пятнадцать минут назад...

– Решила принять душ перед тем, как сделать это, – быстро нашлась Сюзанна. – Что ты хотела мне показать?

– Вот! – Девочка выставила ногу в изящной лаковой туфельке на каблуке. – Они мне уже впору.

– Вряд ли семилетке придется по размеру взрослая обувь.

– У тебя нога как у Золушки. А у меня не по возрасту большая, сама говорила.

Сью с силой наступила на носок туфельки. Дочь даже не ойкнула, что естественно, ведь в него она набила носков. Не так давно то же самое она проделывала с бюстгалтером, но не маминым, а няниным – у филиппинки Чарис был скромный первый размер, тогда как у Сюзанны великолепно сделанный четвертый.

– Я все равно пойду встречать гостей в них, – упрямо поджала губы Никки.

– И будешь выглядеть как Чарли Чаплин.

– Как кто? – переспросила та.

– Был такой комик. Он носил туфли на пять размеров больше, чтобы выглядеть смешнее.

Николь терпеть не могла насмешек. Даже беззлобные отцовские шутки воспринимала в штыки. Обижалась, а могла и истерику заткнуть. Она росла избалованным ребенком, взрывным, вредным, но не злым. У Чарис, которой доставалось чаще, чем остальным, остыв, всегда просила прощения. И только невесту старшего брата (сына Вали от первого брака) не щадила. Та ей категорически не нравилась, и девочка не скрывала этого. Пару раз за свое безобразное поведение была поставлена отцом в угол, но даже это наказание не заставило ее извиниться перед девушкой, которая, к слову, всем остальным членам семьи была приятна.

– Ладно, надену красные ботинки, – пошла на попятную Николь. – И короткую юбку в клетку.

– Отличный выбор, – ответила на это Сюзанна. Дочка с сомнением на нее посмотрела. До недавнего времени мать браковала юбку, считая, что та девочку полнит. – Ты похудела за последний месяц.

– Правда? – обрадовалась Николь. – Это потому, что я после шести не ем.

Дочка лукавила. Но мама тоже. Нисколько Никки не похудела, потому что продолжала поедать в кровати свои любимые миндальные конфетки, а фантики запихивать под матрас. Толстой она не была, но упитанной – да. Валентина это не беспокоило, а Сюзанну очень. Она понимала: если ребенка не ограничивать, он разьестся, а в подростковом возрасте обвинит в этом родителей.

– Израстется, – беспечно отмахивался от супруги Валентин. – Я тоже в детстве был пухленьким.

– А я никогда. Зато все те одноклассницы, у которых имелся лишний вес, до сих пор толстые!

– Откуда тебе знать? Ты с ними двадцать лет не виделась.

– Но я слежу за всеми в соцсетях!

– Никки нужно больше двигаться, только и всего.

– Ее в спортзал не загонишь. – В их доме имелся свой. А также бассейн, сауна и хаммам. Никки только в джакузи валяться любила. – Но наша дочь любит лошадей, и я уверена, с радостью займется конным спортом.

– Это опасно. Я против.

Сюзанна, как все считали, вила из супруга веревки, но в одном моменте он был непрелюблен.

– Безопасность превыше всего, – неизменно повторял Валентин и не слушал никаких уговоров. Поэтому у Сюзанны так и не появилась спортивная машина, она не занялась скалолазанием, не побывала в Колумбии, не покинула территорию усадьбы без охраны. К ней и к Никки всегда были приставлены телохранители, и если первые годы замужества Сью приходила в восторг от этого (ее сопровождают, как звезду!), то со временем стала тяготиться статусом ВИП-персоны.

– Могу я хоть иногда выезжать из дома без твоих мордovorотов? – сердилась на мужа Сюзанна. – Хотя бы в ресторан нашего поселка? Он, между прочим, по периметру охраняется!

– Я доверяю только своим, как ты изволила выразиться, мордovorотам. – И далее следовала коронная фраза: – Безопасность превыше всего!

Сюзанну из задумчивости вывел голос, но уже не дочкин.

– Ты еще не готова? – Эту фразу возмущенно произнесла Зарина, ввалившаяся в комнату подруги. Та в доме не проживала, но была частой гостьей. Единственной, кому Валентин был рад. Остальных Сью принимала в его отсутствие.

– Если вы перестанете меня отвлекать, я оденусь за пять минут, – ответила она Зарине, но и на дочь посмотрела со значением.

– Давай, кто быстрее? – выпалила та и бросилась к выходу. Подруга же и не подумала уходить. Она плюхнулась на кровать, скинув туфли. На ее пятке Сью увидела стрелку и сказала об этом.

– Я ее заклеила, дальше не пойдет, – ответила Зарина. – Не менять же колготки в последний момент, это плохая примета.

– Никогда о такой не слышала, – пробормотала Сью и ушла в ванную, чтобы там надеть боди. В нем уже можно будет показаться подруге. – Ты решила остаться на ужин? – крикнула она через дверь.

– Мне очень любопытно посмотреть на великого Эдуарда Старкова! Единственного человека на свете, которым восхищается Валентин Баранов.

– А мне нет, – вздохнула Сюзанна и поморщилась.

– Что говоришь, не слышу?

Та не ответила. Застегнув боди, прошлась руками по животу. Синяк скрыт, талия подчеркнута. Вид идеальный, а самочувствие не очень: вернулась боль, и нужно выпить еще одну таблетку, чтобы продержаться до позднего вечера.

– Почему Старков без жены приезжает? – выдала следующий вопрос Зарина, когда ее подруга покинула ванную и направилась к гардеробной. Именно в ней, кроме вещей, хранились и лекарства. Она принимала много разных, были среди них контрабандные, приобретенные по поддельным рецептам, и об этом никто не должен был знать, особенно муж.

– Она в заграничной командировке, – ответила Сюзанна, сняв с верхней полки коробку с таблетками.

Те, что снимали боль в мгновение, она на всякий случай пересыпала в пузырек из-под витаминов. Муж считал, что такие могут вызвать привыкание, и когда нашел их у Сью, выбросил. Но она тогда сломала ногу в двух местах, катаясь на лыжах, и очень страдала. Пришлось мириться с чуть приглушенной обычными анальгетиками болью и тем, что зимние виды спорта стали ей недоступны. А все почему? Правильно – безопасность превыше всего!

– Жена великого Старкова работает? – удивилась Зарина. – У них же куча детей.

– Всего трое.

– А не четверо?

– К сожалению, последнего Катерина не смогла доносить. Мальчик умер в утробе на тридцатой неделе.

Об этом Валентин узнал только через полтора года. Прошли те времена, когда Старковы делились с ним горем и радостью. Жаль, не безвозвратно...

– Приехали! – воскликнула Зарина. Пока Сью одевалась, она подошла к окну и выглянула во двор. К нему подкатил автомобиль, отправленный в аэропорт за гостями. – И Валя тоже! – Оказалось, он решил встретить друга лично, хотя по плану должен был освободиться только к ужину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.